

Былое

Сергей МЕНЬШЕНИН

В. Бодхона, центр С. стены, 1991 г.

Следующее, что я помню, это мелькание скал, потом удар ногами о полку и рывок верёвки. А может, наоборот, сначала удар, а потом рывок. Затем я ощутил себя висющим на верёвке. Ничего не болело, и вообще чувствовал я себя прекрасно. Естественно, попытался сообразить, что же такое произошло. Скоро увидел шлямбурный крюк, болтающийся на самостраховке. Он был, как и положено, раздут, то есть забил я его хорошо. Пролетел я метров десять и повис на другом, нормальном крюке, который забил ниже. Полка, о которую я ударился ногами, была очень крутой и вся залита льдом, поэтому, видать, ноги я и не повредил. Потом вспомнил, что перед падением я успел крикнуть «Самостраховка», и тут же проникся благодарностью к Борису, поскольку он не бросил веревку, хотя, скорее всего, он просто не успел это сделать. Тем не менее, среагировал, молодец, поймал меня. Надо сказать, что в то время страховочные приспособления только-только стали появляться, немногие их имели, и Богданов страховал меня простыми рукавицами. В общем, ему двойное спасибо.

Через несколько минут, придя в себя, я забрался на то место, мимо которого решил пролезть до начала снегопада, и сделал там надежную станцию. Глянув вверх, я увидел свой скайхук, висящий на том же самом месте. Под скайхуком болталась крюконога, а также обрывок тесёмки, привязывавшей его ко мне. Вот что значит хорошо поставленный скайхук! Затем я съехал вниз по веревке – греться: во время снегопада я порядком замерз, и даже атака адреналина во время падения меня не согрела.

Дальше пошёл Бурькин. Я следовал последним или предпоследним, точно не помню. Пролезая мимо скайхука по перилам, я протянул связанные лыжные палки и легко снял его со стены. Этот скайхук у меня и сейчас есть.

Тот самый скайхук

* Начало см. в №№ 327-328.

Далеко нам в этот день уйти не удалось. Снегопад, как и предполагается, к вечеру кончился, но впереди просматривались какие-то жуткие бастионы, и лезть на них в сумерках было бессмысленно.

Решили ставить палатку где находились. А были мы на крутом снежном склоне, градусов в сорок пять – пятьдесят. На таком крутяке никто из нас палаток ещё не ставил. Вдобавок, снег был абсолютно сухой и совершенно не хотел лепиться в полку. А глубоко зарыться в него тоже не удавалось, поскольку там был лёд вперемешку со скалами. Мы долго мучились, пока наконец не применили народный метод, от которого, как поётся в песне, остаются «солнечные пятна на снегу». После этого снег стал держать и нам удалось с грехом пополам поставить палатку.

Следующий день состоял из бесконечного перемешивания снега. Кулуары, склоны, местами скальные гребни, всё как-то смазалось в памяти. Кроме самого конца дня, запомнившегося совершенно отчетливо. Я в этот день шел последним. Все устали, было не совсем ясно, куда идти, и группа растянулась, чего делать, естественно, не предполагается. Я сидел и отдыхал на ровной скальной площадке. Склон здесь был не крутой, градусов двадцать, а то и меньше. И тут связка, работавшая метрах в ста выше по склону, пустила камень. Не чемодан, а так, размером с полголовы. Я его видел с самого начала, и был уверен, что он катится мимо меня. Но чем ниже он катился, тем ближе он забирал в мою сторону, и скоро стало ясно, что придётся отскакивать. Но проблема была в том, что встать на ноги, чтобы отскочить, я уже не успевал. Пришлось отскакивать сидя. Это мне не вполне удалось, и камень со всего размаху ударил меня по левому ботинку. Боль была такая, что я думал, что остался совсем без ноги. Уже начал даже прикидывать, как же теперь буду выбираться отсюда. Но со временем боль стала затихать, и скоро я смог пошевелить пальцами ноги, а ещё через несколько минут понял, что все кости целы. Спас меня пластиковый вибрам, обменный для меня друзьями у американцев на Иныльчеке за 30 титановых ледобуров. Очевидно, что я не продешевил. На всякий случай, постоянно посматривая вверх, я снял ботинок и убедился, что если не считать огромного синяка, с ногой всё в порядке. К тому времени пришла пора идти вверх. Я дохромал до ледяного склона, прошел несколько шагов по льду и вдруг понял, что левая нога почти не держит на льду. Оказалось, что от удара камнем разогнулся зуб на кошке и торчал теперь горизонтально в сторону. Кошки у меня были замечательные, облегченный вариант, из ванадиево-никелевой стали, добытые за литр казённого спирта. Но вот на бомбардировку камнями они не были рассчитаны.

Потом до темноты и ещё в темноте мы тащились по снежным гребням, уже явно приближаясь к вершине. Я – опять сзади, уже почти не хромя. Шёл лёгкий снег, луна ещё не взошла, и было

очень темно. Снег на гребне, впрочем, отсвечивал белым, и идти можно было, не зажигая фонариков. Вдруг я услышал легкий шорох совсем рядом слева, повернул туда голову, и на моих глазах там, где только что был белый край гребня, стало черно. Карниз обвалился, понял я – ни грохота, ни шума не было слышно, наверное, с той стороны очень круто. Мы, впрочем, находились более чем в метре от линии отлома, Борис очень правильно выбрал путь.

Наконец дошли до поперечного гребня. Снег кончился, вышла луна и стало что-то видно вокруг. Справа на гребне виднелась замечательная ровная снежная площадка, так и просилось поставить там палатку. Конечно, там могло быть очень ветрено, но зато ровно. Я предложил пойти туда, но, видимо по заскорузлой стенной привычке, мы вместо этого остановились под каким-то жандармом, на узкой полке, где кое-как наполовину поставили, наполовину подвесили палатку. Я оказался в самой узкой части полки. Будучи очень недоволен, что опять приходится полулежать-полусидеть скрючившись всю ночь, вместо того, чтобы с комфортом растянуться на снежной площадке, я сказал Борису, что раз он выбрал эту полку, то пусть идет спать в узком месте, а я хочу ночью отдохнуть. Борис без слов повиновался, а мне до сих пор стыдно.

Утром мы за двадцать минут дошли до вершины. Я по дороге разогнул молотком зуб у кошки и опять почувствовал себя человеком о двух ногах. Ушибленная нога, кстати, совсем не болела.

Ну а спуск оттуда был совсем простой – несколько десятков веревок по льду, на них мы ещё до этого бывали.

Потом, уже в лагере, мы обсуждали, почему вылетел шлямбур. Консенсус был такой, что, вероятно, порошок из раздолбленной скалы перемешался с водой из растаявшей снежной крупы и там образовалось что-то вроде смазки. А поскольку шлямбур был забит в очень крутом месте, то я, повиснув на нём, потянул его от стены, и он вышел, как по маслу.

За этот маршрут мы получили первое место на Чемпионате Москвы, и я не сомневаюсь, что вполне заслужено. Маршрут до сих пор не повторён, как и шумиловский маршрут на Мирали – почему-то после первопроходцев на них никто не стремится.

Возвращение в базовый лагерь после спуска с Бодхоны

Слева – маршрут И.Кудинова (68),
справа – маршрут команды МГУ

Из паспорта восхождения:

Памиро-Алай, Зеравшанский хребет,
Фанские горы (сев.часть)
в. Бодхона Вост., 5050 м
Маршрут по центру северной стены
Первопрохождение, ориент. 6 кат.сл.
Перепад высот маршрута 1770 м, в т.ч.
1650 м стена
Участки V кат.тр. – 325 м, VI – 375 м
Средняя крутизна 60 град.
Использовано крючьев:
40/10 ск., 124/20 закл., 3 шл., 32 лед.
Ходовых часов – 68, дней – 7
Вершина: 22.07.1991
Руководитель: Богданов Б.Б. МС
Участники: Антонов С.В. КМС
Болдырев А.С. КМС
Бурькин Б.Н. КМС
Меньшенин С.Л. КМС
Тренер: Арефьева Р.Г. МС СССР,
инструктор 1 кат.
Команда: Альпклуб имени Р.В.Хохлова (МГУ)

Выписка из классификационной таблицы

5.3.1. Фанские горы – северная часть

32	Бодхона (В)	5050	6А	к	С ст.	И.Кудинов, 68
32а			6А	к	С ст.	Б.Богданов, 91

Как уже отмечалось, маршрут команды МГУ не повторялся. Маршрут И.Кудинова проходил, кажется, всего 4 раза. Второе восхождение было совершено в 1979 году. Вот как описывается маршрут в отчете об этом восхождении:

«Северная стена рассечена гигантским кулуаром на две части. Левее кулуара, в центре стены имеется висячий ледник. Левее ледника, на его уровне проходит ребро, обрывающееся вниз к леднику стеной, разделенной большой снежной полкой на две взлета. Маршрут проходит по этой стене, далее по ребру и прямо вверх по второй стене, в которую упирается ребро. Первый взлет низшей стены проходит в левой части, где скалы несколько менее круты, чем в центре. Над правой частью стены висит уже упомянутый ледник, а с восточного гребня вершины левее маршрута свисает еще один ледник. Падающий с него лед ограничивает маршрут слева».

Когда в 1990 году в Фанских горах проходил чемпионат СССР по альпинизму, был составлен рейтинг сложности маршрутов. В таблице приведены 6 маршрутов с самым высоким рейтингом. Кудиновский маршрут занимает 4-ю позицию. Очевидно, что маршрут 91-го года по северной стене Бодхоны более сложный, чем маршрут Кудинова. Т.е., если ориентироваться на данный рейтинг, является одним из самых сложных в районе.

Рейтинги маршрутов Фанских гор. Чемпионат СССР по альпинизму 1990 г.

Маршрут	Руководитель, год	Рейтинг
Бодхона, л.ч. 3 ст.	А.Мошников, 87	4.18
Бодхона, С ст.	И.Кудинов, 68	4.16
Замок, ц. С ст.	В.Архипов, 87	4.15
Чапдара, С3 ст.	В.Солонников, 72	4.18
Чапдара, ЮВ ст.	А.Пархоменко, 81	4.17
Чимтарга, 3 ст.	С.Прусаков, 74	4.15